

К истории евразийства в Советской России:
письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого
и А.Н. Зелинского
Часть первая

Ксения Б. Ермишина

*Дом русского зарубежья им. А. Солженицына Москва, Россия,
xenia_ermishina@mail.ru*

Аннотация. Настоящая публикация посвящена малоизученным страницам истории евразийства после 1956 г., когда П.Н. Савицкий возвратился в Европу из СССР. Впервые в научный оборот вводятся архивные материалы, которые показывают рецепцию идей от первого поколения евразийцев (основоположника движения П.Н. Савицкого и первого евразийского историка Г.В. Вернадского) к советским евразийцам Л.Н. Гумилеву и его ученику А.Н. Зелинскому. В архиве А.Н. Зелинского сохранились его письма и ответы Г.В. Вернадского, с которым его, тогда начинающего ученого, заочно познакомил П.Н. Савицкий. После возвращения из мест заключения в СССР Савицкий начинает масштабную переписку, связывая ученых в Европе, СССР и в США, распространяя евразийские идеи, которые в позднее время выкристаллизовались в методологию междисциплинарных исследований, в центре которых – судьба России-Евразии, ритмы истории, архитектура, география, русская духовная культура. После кончины Савицкого Вернадский и Зелинский продолжили эпистолярное общение. Вернадский и Зелинский осмысливали вклад в науку Савицкого и саму его незаурядную личность.

Ключевые слова: евразийство, русская эмиграция, пассионарность, А.Н. Зелинский, Л.Н. Гумилев, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, школа буддологии Ф.И. Щербатского, наследие Рерихов

Для цитирования: Ермишина К.Б. К истории евразийства в Советской России: письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского. Часть первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 74–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-74-101

On the history of Eurasianism in Soviet Russia.
Letters of G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky
and A.N. Zelinsky
Part one

Kseniya B. Ermishina
*Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates
Moscow, Russia, xenia_ermishina@mail.ru*

Abstract. The publication deals with the little-studied pages of the history of Eurasianism after 1956, when P.N. Savitsky returned to Europe from the USSR. For the first time, archival materials are introduced into scientific circulation, which show the reception of ideas from the first generation of Eurasians (the founder of the movement P.N. Savitsky and the first Eurasian historian G.V. Vernadsky) to Soviet Eurasians L.N. Gumilev and his disciple A.N. Zelinsky. A.N. Zelinsky's archive includes his letters and answers of G.V. Vernadsky, with whom he, then a novice scientist, was introduced to in absentia by P.N. Savitsky. Having returned from imprisonment in the USSR, Savitsky begins a large-scale correspondence, connecting scientists in Europe, the USSR and in the United States, spreading Eurasian ideas, which later crystallized into a methodology of interdisciplinary researches, focused on the fate of Russia-Eurasia, the rhythms of history, architecture, geography, Russian spiritual culture. After Savitsky's death, G.V. Vernadsky and A.N. Zelinsky continued epistolary communication. Vernadsky and Zelinsky comprehended Savitsky's contribution to science and his extraordinary personality itself.

Keywords: Eurasianism, Russian emigration, passionarity, A.N. Zelinsky, L.N. Gumilev, P.N. Savitsky, G.V. Vernadsky, F.I. Shcherbatsky's Buddhology's school, the Roerichs' legacy

For citation: Ermishina, K.B. (2024), "On the History of Eurasianism in Soviet Russia. Letters by G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky and A.P. Zelinsky. Part one", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 74–101, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-74-101

Настоящая публикация писем Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского открывает неизвестные ранее факты и показывает новый ракурс истории евразийского движения позднего, пока малоисследованного периода его существования – после 1956 г., когда вернувшийся из заключения Савицкий приходит к мысли о возрождении связей с прежними товарищами. П.Н. Савицкий был арестован органами СМЕРШ в Праге в 1945 г. по обвинению в участии в «белоэмигрантском» евразийском движении, которое,

по мнению органов НКВД, ставило своею основною целью свержение советской власти. Савицкий провел в заключении более 10 лет. Возобновить общение с Савицким желали и другие участники евразийского движения. Так, например, П.П. Сувчинский, узнав, что Савицкий вернулся из СССР, написал ему, надеясь на то, что старые обиды и недоразумения за давностью лет позабыты, а получив любезный ответ («Прошлое отошло, дружество остается»¹), начал переписку с лидером правого евразийства, с которым рассорился в период Клармарского раскола. Хроника Клармарского раскола, в результате которого евразийство распалось на Пражскую («правую») и Парижскую («левую») группы, а его основоположник Н.С. Трубецкой публично сообщил о своем выходе из движения, была составлена самим П.Н. Савицким². Опираясь на свидетельство Савицкого, а также на тот очевидный факт, что многие члены Парижской группы были завербованы органами ГПУ (П.С. Арапов, С.Я. Эфрон, А.Н. Клепинин, склонился к этому и сам лидер группы П.П. Сувчинский), исследователи в качестве основной причины раскола называют левый уклон евразийцев-парижан, их увлечение марксизмом и философией Н.Ф. Федорова, очарование советским проектом, страстное желание быть едиными с Советской Родиной, что не приняли пражские евразийцы. Между тем глубокого и всестороннего исследования причин и истории Клармарского раскола до сих пор проведено не было.

Так, стоит отметить, что сам П.Н. Савицкий увлекался Советской Россией не меньше, а едва ли не больше и даже обстоятельнее, изучал ее философию, культуру, науку. С огромным вниманием читал и анализировал все выпуски журнала «Под знаменем марксизма», изучал все ему доступные работы видных советских философов – от А.М. Деборина до А.Ф. Лосева. Знал до тонкостей развитие географической, ботанической, экономической и иных, интересных ему, научных областей в СССР. Глубочайшим образом изучал и знал советскую литературу и поэзию. Как и парижские евразийцы, он мечтал осуществить синтез советских и эмигрантских русских начал. Нелегально побывал в СССР в 1927 г. Многие современники и последующие исследователи обратили внимание на то, что конфликт парижан и пражан носил не идейный, а личный

¹ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. С. 521.

² См.: *Савицкий П.Н.* Клармарский раскол в евразийском движении // Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Б-ка-Фонд «Русское Зарубежье», 2008. С. 287–322.

характер, в основе которого лежали обиды (в том числе и финансового характера: евразийские группы финансировались весьма неравномерно, преимущество было отдано Парижу), недопонимания, претензии. Тема Клармарского раскола, как и многие другие сюжеты евразийской истории, ожидает своего внимательного и компетентного исследователя.

Постепенно собрав адреса старых товарищей (мало кто остался на старом месте после потрясений Второй мировой войны), Савицкий возобновил прежние связи, пользуясь любой возможностью расширить сеть знакомств. Он получал адреса от своих бывших товарищей по Политехническому институту, который окончил в 1917 г. (потом они же помогут издать сборник его стихов в 1960 г.), от своих бывших учеников по русской гимназии, в которой долгое время был директором. Искал он и тех, кто сделал себе имя в академических кругах (последних найти было не сложно посредством редакций газет и журналов, через университетские кафедры). К радости Савицкого, идею переписки поддерживали многие корреспонденты, и его письма разошлись по всему свету – в США, по странам Европы, в Англию, в СССР... Так, например, он, разыскивая адрес Н.Н. Алексеева, первоначально получил сведения о его кончине:

Получив сведения о предполагаемой смерти Н.Н. Алексеева, он начал их проверять, расспрашивал востоковеда В.Ф. Минорского и историка А.В. Флоровского о судьбе своего друга... Когда эти сведения не подтвердились, Савицкий нашел адрес Алексеева и написал ему, получив долгожданный ответ [Назмутдинов 2017, с. 354].

Десять лет пребывания в Советской России для Савицкого в плане завязывания дружеских отношений (к этому у него был подлинный талант) также не прошли даром. Савицкий сердечно привязался к своим товарищам по заключению – еп. Афанасию (Сахарову), митр. Нестору (Анисимову), интересовался судьбой лагерных сидельцев, с которыми пересекался в заключении, – митр. Мануила (Лемешевского) и иером. Иеракса (Бочарова). Товарищем по несчастью Савицкого в заключении оказалась также и дочь М.И. Цветаевой, Ариадна Сергеевна Эфрон («Около двух лет я провел в живом общении с Ариадной Сергеевной»³). От нее Савицкий узнал подробности последних дней М.И. Цветаевой. О М.И. Цветаевой и обстоятельствах ее кончины, последних днях ее жизни (начиная с переезда из Москвы в Елабугу) Савицкий сообщил Г.П. Струве, который готовил к публикации некоторые ее произведения. Савицкий писал:

³ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства... С. 523.

Все это знаю на основании подлинных писем и от А<риадны> С<ергеевны>. Ни А С ни меня в этой связи, пожалуйста, нигде не упоминайте. Все мое желание, чтобы каждый стих М<арины> И<вановны> был издан. Но я опасюсь, как бы издание «Лебединого стана» в этот момент не повредило А С [Мелих 2010, с. 139].

Приведенный отрывок из письма к Глебу Струве от 20 октября 1957 г. весьма характерен. Савицкий становится хранителем, а затем и ретранслятором различных сведений о деятелях русской эмиграции, которые вольно (как евразийцы С.Я. Эфрон и Д.П. Святополк-Мирский) или невольно (Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан) оказались в СССР. Сведения о последних днях и обстоятельствах лагерной жизни Л.П. Карсавина дошли до Савицкого, судя по тому, как он рассказывал об этом своим корреспондентам в письмах, также из первых рук, т. е. или от живых свидетелей, или от их собеседников. Эти знания он передавал друзьям и знакомым, товарищам по научной переписке, которая постепенно становилась едва ли не важнейшим делом заключительного этапа его жизни.

Эпистолярное наследие Савицкого позднего периода опубликовано в различных изданиях. Изданы его письма к П.П. Сувчинскому⁴, к Г.П. Струве⁵, к Н.Н. Алексееву⁶, Л.Н. Гумилеву⁷, А.Н. Зелинскому⁸. Публиковались также отдельные письма П.С. Са-

⁴ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства... С. 253–543.

⁵ Письма П.Н. Савицкого к Г.П. Струве / Предисл., подгот. текста и коммент. Ю.Б. Мелих // Россия XXI. 2010. № 2. С. 131–159.

⁶ *Назмутдинов Б.В., Ермишин О.Т.* «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексева к П.Н. Савицкому (1957–1961) / Предисл. Б.В. Назмутдинова; подгот. текста и коммент. О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 351–445.

⁷ Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год / Подгот. писем к публ., вступ. ст. и примеч. А.В. Воронович, М.Г. Козыровой // Геополитика и безопасность. 2008. № 4. С. 88–104; также отдельные письма к Гумилеву и Г.В. Вернадскому опубликованы в издании: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс, 1993. 575 с.

⁸ *Ермишина К.Б.* «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими / Публ., подгот. текста К.Б. Ермишиной; вступ. статья и коммент. К.Б. Ермишиной и А.Н. Зелинского // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.

вицкого к разным лицам⁹, но поскольку эти последние появлялись в печати без определенной концепции, просто ради ознакомления с имеющимися материалами, научная ценность подобных публикаций все же невелика, что сказывается, например, в частоте (или, лучше сказать, в редкости) их цитирования в научных работах, исследованиях, диссертациях¹⁰. Судя по частоте цитируемых материалов, именно системно опубликованные письма (большая подборка или переписка с ответами корреспондента) пользуются заслуженным интересом и вниманием у исследователей. Эти письма публиковались по мере обнаружения их в различных архивах¹¹, и к настоящему времени, к сожалению, не существует их отдельного издания, хотя настоятельная необходимость в такой публикации очевидна. Подобный сборник мог бы существенно продвинуть евразийствоведение, показать истоки евразийского движения рельефно и отчетливо.

В поздних письмах и стихах Савицкий раскрывается порой с неожиданной стороны. Так, например, мы узнаем, что уже в возрасте семи лет он читал на русском и английском языках сложную научную литературу (в частности, исследования всемирно известного буддолога Ф.И. Щербатского¹²), глубоко изучал историю

⁹ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сб. тр. евразийцев / Под ред. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. (Приложение: Переписка евразийцев. С. 412–435.)

¹⁰ Стоит отметить, что петербургский исследователь А.В. Воронович занимается архивом Л.Н. Гумилева, хотя и не в применении конкретно к его переписке с П.Н. Савицким (см.: *Воронович А.В.* Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012).

¹¹ Архивы ГА РФ (Ф. 5783. Оп. 1), Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Коллекция В. Аллоя), Архив Музея-квартиры Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург (не описано), Музей-квартира академика Н.Д. Зелинского (не описано), архив Славянской библиотеки в Праге, Особый архив Литвы (Ф. К.-1. Оп. 58, б. П.11972-ЛИ, и другие, относящиеся к Следственному делу Евразийского движения), Hoover Institution Archives.

¹² Я и сам им [Ф.И. Щербатским] увлекался. В библиотеке моего покойного дяди по матери, городского головы г. Чернигова – Георгия Андреевича Ходота была полная подборка работы молодых и раннесредних лет Ф<едо>ра Ип<политови>ча – и я «глотал» их чуть ли не с возраста семи лет, а позже и вполне сознательно (конечно, в пределах их русского и, кажется, английского – текстов)

[Ермишина 2023, с. 289].

России и русских географических открытий¹³, жил в Центральной России и путешествовал по ней, будучи подростком¹⁴, юношей, вместе с отцом, посещал Соловецкий монастырь¹⁵ и т. д. У исследователей, незнакомых с этой стороной биографии Савицкого, сложилось впечатление о нем как, скорее, об украинском мыслителе, внезапно попавшем в студенческие годы в Санкт-Петербург и чувствовавшем чуждость «глубинной России». Южный, пылкий темперамент Савицкого, который сыграл столь трагическую роль в период Клармарского раскола и кризиса евразийства, был его индивидуальной особенностью, не связанной прямо с его происхождением, – хотя он принадлежал, согласно собственным свидетельствам, к старинному южнорусскому роду, родословная которого, продолжительностью около 300 лет, хранилась в Чехословацких архивах. Последнее обстоятельство позволило ему при немецкой оккупации удержать пост директора Русской гимназии в Праге. Немцы видели в нем в первую очередь von Sawitzki, т. е. европейского аристократа.

¹³ Очень оценил я и фотоснимок часовни колонии Рос. Ее историей и историей русской Аляски я занимаюсь с детских лет (с первых годов XX века). Не скрою, что еще семи-восемилетним мальчиком, в 1902–1903 гг., я *проклинал* Александра II за преступную ее продажу

[Мелих 2010, с. 147].

¹⁴ Невольно вспоминаются Петушки. Ведь я провел там все лето 1912 г. у дяди моего (ныне уже покойного) железнодорожного врача Сергея Дмитриевича Крестовникова и его жены – моей тети Марии. Петушки были моей базой в поездках по всем достопамятным местам Владимирско-Суздальской Руси. По железной дороге, на лошадях и пешком я побывал из Петушков во Владимире, Боголюбове, Суздале, Юрьеве Польском

(Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 277).

¹⁵ Соловки я посетил в бытность отца Главнона начальствующим в Архангельске и во всем Северном крае – вместе с ним. Отца великий монастырь встретил крестным ходом – это был чуть ли не последний крестный ход такого рода в его истории. Яхта Главнона начальствующего бросила якорь довольно далеко от берега, на внешнем рейде. Мы с отцом отстояли обедню в Спасо-Преображенском соборе, а затем архимандрит показывал нам святыни и древности обители. Хотя монастырь был на «военном положении» (германские подлодки проникали и в Белое море), но все, в общем, было в порядке. <...> Я не только внимательно слушал архимандрита, но позже, в 1920-х – 1930-х гг., изучал и акты Соловецкого архива, изданные проф<ессором> А. Савичем

[Ермишина 2023, с. 302].

Важно отметить, что пока еще не изданы и не изучены географические работы П.Н. Савицкого¹⁶, так что у исследователей нет перед глазами всей картины истоков евразийского движения. В основном указывают на геополитические и экономические истоки евразийства Савицкого, следуя опубликованным и доступным к настоящему времени материалам. Изучив корпус географических работ Савицкого, можно прийти к выводу о том, что он был едва ли не самым выдающимся знатоком России в эмиграции. Он знал тонкости географии и градостроительства России вплоть до названий самых незначительных притоков средних, региональных рек, знал не только города, но и небольшие села, административное деление, почвы, растительность, климат, промышленность, архитектуру, историю, литературу, живопись и т. д. Для его сознания Россия представляла именно как единое пространство во всем его географическом, геополитическом, культурном и историческом целом. Исходя из такого целостного видения, которое он ассоциировал с периодической системой Д. Менделеева (теория Савицкого «мира как единого целого»¹⁷), он и строил свою евразийскую концепцию. Следует отметить, что Савицкий обладал редким даром принятия жизненного опыта – лагерей, тюрем, различных мытарств и страданий, более того, он, чувствуя живую, исходную связь с Родиной, сумел передать русским в эмиграции, которые давно утратили это ощущение, неразрывность связи с родной стихией, понимание того, что большое многонародное тело, связанное тысячами нитей, родственных, дружеских, душевных (вспоминания, ностальгия, привязанность), остается единым даже в разрыве России советской и эмигрантской. Пожалуй, это последнее – главный, важнейший евразийский аккорд, итог жизни Петра Николаевича. И этот опыт единства не был в евразийстве бесплодным. В отличие от всех иных политических, культурных и многих других (за исключением религиозных) течений и направлений эмигрантской жизни, евразийство не только перекочевало на родину, но и укоренилось в России, породив как живую политическую традицию (неоевразийство), так и евразийствоведение как отдельную отрасль эмигрантоведения.

После того, как Савицкий был освобожден из мест заключения, он некоторое время жил в Зубово-Полянском доме инвалидов

¹⁶ К настоящему времени мною готовятся к изданию географические и философские работы П.Н. Савицкого, как изданные около 100 лет назад, так и никогда не публиковавшиеся на русском языке, а также подготовленные к изданию самим Савицким, но не вышедшие в свет при его жизни.

¹⁷ См.: *Савицкий П.Н.* Единство мироздания // Савицкий П.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 341–343.

(Мордовская АССР, поселок Явас), общался с бывшими заключенными, а также с простыми советскими обывателями. В письмах к свт. Афанасию (Сахарову) он описывает посещение деревенской церкви, куда он добирался больше часа пешком. Там, стоя среди простых женщин, русских и мордочек, он плакал о своих грехах и скорбел вместе с народом. Все эти женщины потеряли мужей, сыновей, детей во время Великой Отечественной войны и пришли за последним утешением и молитвой в храм. Сердобольные женщины кормили истощенного Петра Николаевича нехитрой снедью (возможно, принимая его за нищего, что, впрочем, было недалеко от истины), и тот с благодарностью принимал от них приношения, ощущая свое единство с исстрадавшимся русским, советским народом:

Священники молились об упокоении души воинов, павших в Великую Отечественную войну. Почти все молящиеся – вдовы, матери или сестры этих воинов. Пели все. Многие плакали. <...> Я благодарно брал все, что мне давали. Мне казалось, что это русский народ, а вместе с ним и мордва, меня питают¹⁸.

В Европу, к семье он вернуться не надеялся, поэтому, когда это чудом удалось, он был полон огромной благодарности и удивления перед неисповедимыми судьбами Промысла. Он ощущал себя частью большого тела русского народа, не разделяя Россию советскую и эмигрантскую. Это было не просто убеждение, но душевное состояние, глубинная уверенность – столь глубинная, что не нуждалась в рациональных обоснованиях и объяснениях. Этим Петр Николаевич был уникален: немногим удалось вернуться живыми после советских тюрем и лагерей в Европу, а те, кто вернулись, были, как правило, сломлены, подавлены, им было не до рефлексии, не говоря уже о восторгах или энтузиазме. Так, например, удалось вернуться евразийцу К.А. Чхеидзе, который посвятил последние годы жизни литературному творчеству и работе над архивом *Fedoroviana Pragensia* в Праге. Евразийской работой он не занимался, вспоминать Советскую Россию в положительном ключе у него не было сил:

Сибирский лагерь. Я встречался там с настоящими дьяволами, палачами, садистами. Однако, за редким исключением, и среди преступников находились люди, в которых жило нечто человеческое¹⁹.

¹⁸ Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 276.

¹⁹ Чхеидзе К.А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост., вступ ст., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой. М.: Рус. путь, 2011. С. 63.

У Савицкого впечатления от советских тюрем и лагерей, да и вообще от Советской России были иные:

Моя «Одиссея» продолжалась одиннадцать лет: 1945–1956. Это было опаснейшее и в то же время полное живейшего интереса исследовательское путешествие²⁰.

О людях, которых Савицкий встретил в эти «опаснейшие годы», он писал П.П. Сувчинскому в письме от 2 мая 1957 г.: «Видел и пережил многое, очень многое. И многих сверхзамечательных русских людей узнал лично»²¹. Своих товарищей по заключению, уголовников, он снисходительно именовал «ребятами», относясь к ним скорее как к неразумным детям, жертвам своей непутевой жизни и невежества:

...сдружился с ребятами-лесорубами. Это почти сплошь были урки (уголовники). Работали ребята замечательно. Любили слушать мои рассказы²².

Вероятно, именно этот настрой – полное принятие ситуации, безропотность, открытость к новому опыту, стремление во всем видеть только положительное – позволил Петру Николаевичу, обладавшему слабым здоровьем (во время Первой мировой войны он по состоянию здоровья был освобожден вопреки собственному желанию от службы в армии), выжить в нечеловеческих условиях, в которых погибали намного более молодые и здоровые люди.

Таким образом, Савицкий стал уникальным для русской эмиграции человеком, который знал и Россию в изгнании, и на Родине, знал не только простой народ, но и духовенство – новомучеников и исповедников российских, позже прославленных в лике святых, знал и русскую интеллигенцию, и интеллектуалов Запада. Желая в самом себе осуществить это единство многострадального разделенного русского народа, он и начинает переписку с прежними товарищами, а по ходу дела приобретает и новых знакомых, а затем и сердечных, близких друзей.

Так, познакомившись через историка, своего товарища по лагерным мытарствам, М.А. Гуковского с Л.Н. Гумилевым, он завязал переписку и с его учеником, Андреем Николаевичем Зелинским (род. в 1933 г.), сыном знаменитого химика Н.Д. Зелинского. Зе-

²⁰ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства... С. 521.

²¹ Там же. С. 523.

²² *Востоков П. (Савицкий П.Н.)* Стихи. Париж, 1960. С. 36.

линский-старший был другом и соратником В.И. Вернадского, отца евразийца Г.В. Вернадского. В годы Великой Отечественной войны семья Зелинского (Андрею Зелинскому в то время было восемь лет) вместе с другими учеными эвакуировалась в Северный Казахстан. Одновременно в эвакуацию отправился и В.И. Вернадский. Причудливо переплелись судьбы Зелинских и Вернадских – старшее поколение, геохимик, ученый, мыслитель В.И. Вернадский и химик Н.Д. Зелинский своими трудами составили славу российской науки, были связаны узами дружбы. В 1958 г. под редакцией академика Н.Д. Зелинского вышла биографическая книга о В.И. Вернадском²³, скромное приношение от друга, ценившего его научный вклад и просто человеческие качества, характер, широту взглядов, высокогуманистическую направленность ума и самоотверженное служение своему делу. А их дети, А.Н. Зелинский и Г.В. Вернадский, уже не имели возможности непосредственного общения, но вступили в переписку через сложную посредническую цепь: М.А. Гуковский – Л.Н. Гуmileв – П.Н. Савицкий.

Савицкий много способствовал тому, чтобы его тогда юный корреспондент А.Н. Зелинский вошел через переписку в круг европейских ученых, исследователей, мыслителей. Представлять сына Н.Д. Зелинского²⁴ не составляло труда: имя его отца, изобретателя противогАЗа, спасшего жизнь десяткам и даже сотням тысячам людей в Первую мировую войну, было всем известно. Тем не менее А.Н. Зелинский и сам хотел составить себе имя, но не в области химических исследований, а на поприще исторических и археологических изысканий, что ему с успехом удалось. Научный вклад А.Н. Зелинского в буддологию, исследование культур и религий Тибета, сравнение принципов религиозного календаря и самого понимания феномена времени в православии и на иноверном Востоке признаны наукой, многие его работы – прорывные, оригинальные, открывающие новые научные горизонты. Сам А.Н. Зелинский относит себя к евразийской исследовательской школе, поэтому его эпистолярная дружба с П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским – ценное свидетельство сформировавшейся в СССР своеобразной евразийской историко-исследовательской традиции, о которой до последнего времени было мало известно.

²³ Владимир Иванович Вернадский / Под ред. акад. Н.Д. Зелинского. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1948.

²⁴ О биографии и научных трудах А.Н. Зелинского см. во вступительной статье к публикации переписки семьи П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского [Ермишина 2023, с. 248–257].

Исследователи ссылались на то, что сам Л.Н. Гумилев называл себя «последним евразийцем»²⁵, но откуда у него оказалась богатая евразийская литература, откуда он мог знать многие подробности евразийского учения и истории движения, было неизвестно. Оказалось, что его знания – от основоположника евразийского движения П.Н. Савицкого, который снабжал своих советских корреспондентов не только редкой евразийской литературой, но и обильной библиографией, фактами о евразийском движении, тонкими замечаниями о тех или иных новейших исследованиях, выполненных в евразийском духе. Савицкий делал копии своих писем и пересылал своим корреспондентам с пометками, чтобы они составили единый евразийский круг, в котором каждый знает о каждом в плане научных поисков, достижений, фактов, догадок и открытий.

Настоящая публикация иллюстрирует изобретенный Савицким метод создания нового, уже виртуального, или, лучше сказать, эпистолярного евразийства позднейшего периода – от 1956 г. до начала 1990-х гг., когда наступил следующий евразийский этап: научно-исследовательский, продолжающийся по сей день. В настоящую публикацию включены письма А.Н. Зелинского и Г.В. Вернадского, в которых тематически важное место занимают общие воспоминания о недавно почившем друге, П.Н. Савицком. В публикацию мы сочли нужным включить полный текст некролога о П.Н. Савицком, написанный Г.В. Вернадским, во-первых, потому, что это важный источник биографических данных, во-вторых, эта публикация (некролог, опубликованный в «Новом журнале» в 1968 г.) является библиографической редкостью; она показывает отношение Вернадского и к основоположнику движения, и к евразийству как таковому. А.Н. Зелинский настоятельно просил дать ему библиографическую справку о некрологе, чтобы найти номер журнала и ознакомиться с ним. В качестве приложения дана копия письма Савицкого Г.В. Вернадскому, которую он сделал для А.Н. Зелинского и, несомненно, для других участников переписки – Н.Н. Алексеева, Л.Н. Гумилева и других корреспондентов, для которых были бы важны сообщаемые в письме сведения. Это письмо Савицкого является также важным источником для характеристики его личности и особенностей его работы. Эти материалы, включая некролог, будут предложены читателю в следующих публикациях (настоящая является первой из указанной серии). В некрологе Г.В. Вернадский упоминает, что Савицкий обладал фе-

²⁵ *Гумилев Л.Н.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31.

номенальной памятью и способностью к скорочтению: «Память у него была феноменальная. Раз прочтя книгу (а читал он быстро), он мог цитировать, не заглядывая в нее вновь, целыми страницами»²⁶. Многие не могли понять этой особенности Савицкого, кто-то относился иронически, кто-то считал, что иметь столь разносторонние познания невозможно и Савицкий блефует. К. Чхеидзе вспоминал о Савицком:

Он обладал знаниями, которых хватило бы на полдюжины заурядных ученых, каких немало в университетах. Его мысль работала с неутомимостью, мощью и скоростью двигателя реактивного самолета. Для того, чтобы облегчить слушателям усвоение своих мыслей, он облекал их иногда в схематическую форму, распределял, классифицировал. На каком-то собрании он сказал, что хочет возразить докладчику, проф. А.А. Кизеветтеру, как историк, экономист и философ. По этому поводу тот насмешливо заметил, что, следовательно, ему будут возражать *три* оппонента. <...> ...оба они, Кизеветтер и Мейснер, своей шутливостью проявили свою несоизмеримость с Савицким, отличие своего формата от формата Савицкого. Впрочем, можно ли применять понятие «мера» по отношению к гению? – Гений потому и гений, что он безмерен...²⁷

Савицкий, как и Н.С. Трубецкой, были вундеркиндами, они начали серьезную научную работу в возрасте 13–15 лет, и эта особенность евразийства объясняет многие аспекты, которые без учета данного обстоятельства остаются неясными. Так, некоторые исследователи указывают на то, что евразийство было создано очень молодыми людьми в возрасте чуть за 20 лет (старше всех был Н.С. Трубецкой). Молодость основоположников не имела большого значения. И Трубецкой, и Савицкий уже к 25 годам были состоявшимися учеными мирового уровня.

Насколько быстро читал и усваивал информацию Савицкий, мы можем судить по письму в приложении. За пару недель он освоил буквально два десятка томов различной литературы по вопросам истории и археологии Востока, русской средневековой архитектуры, а также энциклопедические словари на украинском языке, которым владел без затруднения (как и английским, не-

²⁶ Вернадский Г.В. П.Н. Савицкий // Новый журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 273.

²⁷ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли // Воспоминания. Дневники. Беседы: Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2011. С. 76–77.

мецким, чешским, норвежским). Кроме того, все прочитанное и изученное он проанализировал и составил краткое описание (с выходящими данными) для своих корреспондентов. Стоит прибавить, что, вероятно, это не вся прочитанная и изученная им за указанное время литература. Скорее всего, названия других прочитанных им текстов (а он занимался переводами, написанием статей для чешских изданий) просто не вошли в указанное письмо как не представляющие интереса для его коллег.

Тексты публикуемых писем приведены с минимальными поправками с учетом норм современного русского языка. Письмо Г.В. Вернадского, вошедшее в настоящую публикацию, хорошо показывает его стиль, хотя, вероятно, нахождение в иноязычной среде все же сказалось не самым лучшим образом на внутреннем чувстве языка, особенно в плане пунктуации. Русский язык Г.В. Вернадского во многом копирует лаконичные конструкции английского, тяготеет к точности, даже скрупулезности, краткости. Вернадский избегает эмоций и литературных украшений своего текста.

Таким образом, настоящая публикация дает сведения о П.Н. Савицком, Г.В. Вернадском в его поздний период и о работе советско-русского евразийца А.Н. Зелинского, свидетельствует о том, что отдельные представители русского народа, подобно каплям ртути, стремились соединиться воедино. Их объединяла общность духовных и научных интересов, любовь к Родине и родной истории, стремление работать на стыке нескольких научных сфер (междисциплинарность), что в целом характерно для русской мысли. Подлинно русский ученый никогда не замыкался в узких рамках своей специальности, был открыт для новых знаний и иных научных областей. Эта черта ярко проявилась и в евразийстве, а Савицкий, самый характерный представитель движения, задал вектор междисциплинарных исследований.

* * *

Материалы настоящей публикации, относящиеся к истории позднего, «советского» евразийства, включают семь писем из Архива А.Н. Зелинского. Мы планируем осуществить три публикации, из которых настоящая – первая. В ней предлагается к ознакомлению два письма. Первое письмо А.Н. Зелинского Г.В. Вернадскому представляет собою машинописную копию с машинописного оригинала (сделано под копирку), которую А.Н. Зелинский оставлял для себя после отправления оригинала письма своему корреспонденту. Рукописные вставки – только подпись («Душевно Ваш А. Зелинский») и дата, сделаны разными чернилами: дата – синими, подпись – черными. Все машинописные копии

А.Н. Зелинский прикреплял к оригиналу ответа Г.В. Вернадского, сохраняя таким образом для самого себя (как оказалось, и для последующих исследователей) целостность переписки. К сожалению, значительная часть писем считается утраченной, но вполне возможно, что в последующем, при разборе многочисленных документов и книг библиотеки и архива академика Н.Д. Зелинского и его сына А.Н. Зелинского (что еще не было произведено), оставшая часть переписки будет найдена.

Что касается второго, ответного, письма Г.В. Вернадского от 31 октября 1965 г., то оно написано на конверте для письма, характерном для США в указанный период. После написания текста письма бланк-конверт складывался по линиям отреза, запечатывался и отправлялся по авиапочте отправителю. Письмо представляет собой рукописный оригинал, выполненный черными чернилами с подчеркиванием красным карандашом важных для Вернадского моментов. Все подчеркивания сохранены в тексте публикации. Поскольку конверты для письма – довольно небольшие, открыточного типа бумажные прямоугольники, то пространство для написания писем использовалось Вернадским крайне экономно: бисерный почерк, записанные «крылья» конверта, краткие, почти афористичные высказывания автора показывают его тип мышления, который можно описать как сжатый, лаконичный и даже конспективный.

Выбор Вернадского именно этого типа сообщений отвечает стремлению автора к краткости и афористичному типу высказывания, в то время как, к примеру, П.Н. Савицкий, любивший пространное изложение, вряд ли стал бы пользоваться этим типом почтового сообщения. Все письма Савицкого – это почти статьи, часто с цитатами, подробным перечислением прочитанной литературы, философскими рассуждениями и т. д. Таким образом, в выборе типа письменного сообщения играли роль не только вопросы экономии – П.Н. Савицкий писал огромное количество писем, любил высылать бандероли и даже посылки в СССР, в США и в страны Европы, что существенно ударило по его бюджету, учитывая тот печальный факт, что у него после 1956 г. не было ни пенсии, ни постоянной работы. В случае Савицкого мы имеем дело с гиперэмоциональным человеком, в случае с Г.В. Вернадским – с крайне организованной и системно мыслящей личностью. Текст писем дан с минимальными пунктуационными и стилистическими правками. Во всех письмах есть рукописные вставки и авторские примечания (отмечены в публикации). А.Н. Зелинский дал любезное разрешение ознакомиться с его личным архивом и опубликовать из него материалы для изучения евразийского движения.

Приложение

Письмо № 1¹

А.Н. Зелинский – Г.В. Вернадскому

12.08.1965 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Владимирович!

Я очень рад, что монография о творчестве² Павла Корина³ дошла до Вас. Мне кажется, что этот художник действительно заслуживает внимания. К сожалению, портрет отца⁴ у него не совсем удался, но убежден, что портретная живопись вообще не является его призванием. Он очень удовлетворен своим пребыванием в Америке и успехом своей выставки в Нью-Йорке⁵. Это действительно было большим делом в развитии культурного сотрудничества обеих стран.

¹ Письма для публикации любезно предоставлены А.Н. Зелинским. Архив Музея-квартиры академика Н.Д. Зелинского, Москва (не описано).

² В указанное время вышла монография [Михайлов 1965]. За четыре года до написания письма вышла другая книга [Павел Корин 1961], которая является не монографией, а иллюстрированным альбомом с комментариями.

³ *Корин Павел Дмитриевич (1892–1967)* – художник, реставратор, педагог. Центральной работой Корина считается «Реквием («Русь уходящая»), для которой он выполнил 29 подготовительных портретов.

⁴ В 1964 г. П.Д. Корин написал портрет академика Н.Д. Зелинского. На портрете Зелинский предстал как полноватый, утомленный человек. Складки одежды, неаккуратно сложенная папка бумаг на заднем фоне, землистый цвет лица и другие детали портрета подчеркивали немолодые года изображенного, лицо которого было грустным и задумчивым.

⁵ 12–29 мая 1965 г. в Hammer Galleries в Нью-Йорке прошла персональная выставка 72-летнего Павла Корина, на которую он привез 50 своих произведений, включая этюды к знаменитой серии «Реквием. Русь уходящая», а также пейзажи, эскизы витражей и мозаик для московского метро, портреты. На выставке продавали монографию о Корине с каталогом его работ (каталог самой выставки не был отпечатан), монография была мгновенно раскуплена. Судя по тексту письма, Вернадский посетил выставку Корина, купил монографию, увидел портрет академика Н.Д. Зелинского и поделился впечатлениями с его сыном, А.Н. Зелинским. С самим Коринным ему не удалось встретиться, поскольку все визиты художника были заранее согласованы, к нему стояли часовые очереди за автографом.

Я сейчас целиком поглощен работой над диссертацией⁶, надо в этом году все закончить, а то развивать и углублять тему можно до бесконечности. По ходу работы столкнулся с такой проблемой: кочевники и буддизм. Махаяна⁷ возникла в среде юечжей, когда они осели в Бактрии и приняли самоназвание кушан⁸. Далее, сянбий-

⁶ В 1969 г. А.Н. Зелинский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древние пути Памира» (см. автореферат: *Зелинский А.Н.* Древние пути Памира. М., 1969. Местонахождение: Российская государственная библиотека, Москва). Диссертацию Зелинский писал довольно долго – замысел родился в начале 1960-х гг., его корреспонденты (П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский) настойчиво убеждали поспешить и закончить работу, которая растянулась на годы.

⁷ *Махаяна* («большая колесница») – основное направление в буддизме, открытое «для всех», религия для мирян. Махаяна не предполагает аскезы вплоть до отказа от мира, от брака, от участия в социальной жизни и т. д., чего требовала *хинаяна* («малая колесница») – строго-аскетическое, монашеское направление в буддизме (см. переведенную А.Н. Зелинским книгу: *Щербатский Ф.И.* Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 426 с.). Зелинский придерживался толкования и понимания буддизма, которое дал Ф.И. Щербатской. Его концепция отличалась довольно яркой оригинальностью, контрастирующей с пониманием, которое сложилось в русской мысли во многом под влиянием Вл. Соловьева, – когда буддизм рассматривался как путь к аннигиляции личности, отрицания самого принципа воли к жизни (см., напр.: *Соловьев В.С.* Буддистское настроение в поэзии // Вестн. Европы. 1894. № 5. С. 329–346). Как «метафизическое самоубийство» буддизм рассматривал Н.С. Трубецкой (см.: *Трубецкой Н.С.* Религии Индии и Христианство // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 267–294). Щербатской, а вслед за ним А.Н. Зелинский полагали, опираясь на тексты традиции и полевые исследования, что буддизм есть открытие «подлинной личности». В конце духовного пути для избранных должна открываться не пустота небытия, но встреча с Богом. См. также: *Зелинский А.Н.* Кушаны и махаяна // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. С. 223–236.

⁸ *Юечжи* – иранский народ Центральной Азии, языком которых был восточноиранский диалект северной подгруппы. Проживали в районе современного Синьцзян-Уйгурского автономного района, Ганьсу и Цзянь в Китае. Во II в. до н. э. часть этого народа (кушаны, эфталиты) перекочевала в Среднеазиатское междуречье, Бактрию и Восточную Индию, где они и столкнулись с буддизмом. В Индии они основали Кушанскую империю, официальным языком которой был древнегреческий, затем бактрийский. В Кушанской империи был распространен буддизм, а также зороастризм и индуизм. Кушанская империя существовала в I–III в. н. э.

цы (династия Тобы)⁹, которые ок. 400 г. н. э. овладели Северным Китаем, были очень благосклонны к буддизму. И оставили замечательные памятники этого искусства (в основном сохранившиеся в пещерных храмах). Затем тюрки, при которых буддизм в Китае достиг своего расцвета. Можно отметить такую закономерность: всякий раз, когда инородческая династия кочевников Севера (т. е. к северу от Великой стены) завоевывала Китай, то она оказывала особое покровительство буддизму. Всякий раз, когда в Китае вспыхивала национальная реакция, то она проходила, в основном, под флагом конфуцианства. Теперь в отношении буддизма и кочевого быта. Надо сказать, что на примере калмыков¹⁰ мы видим,

В письме Г.В. Вернадскому А.Н. Зелинский справедливо указывает на то, что самоназвание «кушаны» юечжи приняли в Бактрии, с этим именем они вошли в историю как народ-имперостроитель, покровитель буддизма и культуры поздней античности (когда влияние христианства уже отчасти сказывалось на индуизме, буддизме и восточной архитектуре, живописи, скульптуре и т. д.).

⁹ *Сяньбийцы (Сяньби, или Сянь бэй)* – племена кочевников, проживавшие на территории Внутренней Монголии (сейчас округ Ух Тохо, Китай). Участвовали в этногенезе монголов, выделились в отдельную группу около III в. н. э. Существует мнение, что этноним «сяньби» дал название Сибири. С I в. н. э. воевали с хунну в союзе с китайцами, часто – как наемники. С 54 г. приняли подданство Китая и охраняли пограничье (аналог русского казачества). С конца I в. начали занимать земли хунну, которые стали сливаться с сяньбийцами. Кочевники-сяньбийцы пасли скот в степи, жили в юртах и палатках, деление на территории и внутриплеменные разделы происходило на основании военного кодекса. Известия о языке сяньбийцев не сохранились. Одна из ветвей сяньбийцев – табо, создали Табосскую империю (304–439), которая распространилась на всю Монголию. В это время сяньбийцы табо постепенно переходили от кочевого быта к оседлому земледелию. Правитель Тоба Гуй принял буддизм, который получил распространение после 400 г. Другой конкурирующей религиозной системой был даосизм, который с переменным успехом удерживал у сяньбийцев табо свои позиции в течение III–IV вв. С 518 г. буддизм стал государственной религией Северной Вэй.

¹⁰ Калмыки исповедуют тибетскую форму буддизма. Среди предков калмыков – ойратов буддизм распространился с XIII в. Утверждение региона Калмыкии в составе России (затем Российской империи) состоялось около 1633 г., когда калмыцкий тайши (старейшина) Хо-Уклюк разгромил мусульман-ногайцев в Нижнем Поволжье. В это время калмыки находились в постоянном культурном и религиозном общении с буддистскими монахами Тибета. В этих контактах особую роль играл ойратский монах школы гелуг Зая-Пандита (1599–1662), просветитель калмыков,

что одно другому не мешает нисколько. Как было дело с юечжами, сказать, конечно, трудно. Проблема так называемого понижения воинственности кочевников за счет буддизма кажется мне совершенно неправдоподобной. Между прочим, Л.Н. Гумилев¹¹ в своей статье «Легенда и действительность в <древней> истории Тибета» (Вестник <истории> мировой культуры, № <3>)¹² убедительно показал, как буддистская доктрина непротивления могла уживаться с идеологией воинственных тибетцев.

Посылаю Вам на память пригласительный билет на открытие памятника Юрию Николаевичу Рериху на Ново-Девичьем кладбище в Москве¹³. Обращаю Ваше внимание на то, что проект памятника

создатель калмыцкого алфавита. Таким образом, просвещение и религиозная практика шли рука об руку с военными победами и этногенезом.

¹¹ Гумилев Лев Николаевич (1912–1992) – ученый, историк-археолог, основоположник этнологии, автор теории пассионарности, сын поэтов Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой. В 1956 г. вступил в переписку с П.Н. Савицким, впервые встретился с ним в 1966 г. на археологическом конгрессе в Праге. Общим у Савицкого и Гумилева была не только евразийская направленность работы, но и основной подход к изучению истории – сочетание географии и истории как фактологии, а также поиск аналогий, синхорологий (см.: *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 180 с.), исторических ритмов (см.: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс, 1993. 575 с.; *Савицкий П.Н.* Ритмы монгольского века // Евразийская хроника. [Б. м.,] 1937. Вып. 12. С. 104–155) и внеисторических причин происходящих событий в настоящем и прошлом. Для Гумилева, как и для Савицкого, движущей силой истории было понятие энергии и пассионарности (см. [Ермишина 2018]). Зелинский возражал против термина Гумилева «пассионарность» с точки зрения христианской антропологии, поскольку «страсть», лежащая в основе пассионарности, имеет греховный источник, но Гумилев не принял критики. Также Гумилев не использовал центральное понятие истории и историософии Савицкого «месторазвитие», в то время как Г.В. Вернадский принял его термин и использовал в своих работах, в частности в «Начертании русской истории» (Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 263 с.).

¹² Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 103–113.

¹³ 17 августа 1965 г. в Москве на Новодевичьем кладбище был открыт памятник Ю.Н. Рериху, автором которого был его брат С.Н. Рерих. Памятные билеты на открытие памятника Зелинский выслал как Савицкому, так и Вернадскому. Биографию Ю.Н. Рериха и все обстоятельства, связанные с данным памятником, А.Н. Зелинский описал в своей статье: *Зелинский А.Н.* Открытие памятника Ю.Н. Рериху в Москве (17 августа

сделан его братом, Святославом Рерихом¹⁴, выставки которого с таким успехом прошли в Москве и Ленинграде весной и летом 1960 года¹⁵. Скоро заканчивается работа над тибетским словарем, который составлял Юрий Николаевич¹⁶, но не успел довести до конца. Кроме того, подготавливается издание его избранных тру-

1965 г.) // Страны и народы Востока. Вып. V. Индия – страна и народ. М.: Наука, 1967. С. 258–264.

¹⁴ *Рерих Святослав Николаевич (1904–1993)* – художник, коллекционер, общественный деятель, сын Н.К. Рериха. См. [Беликов 2004]. См. работу А.Н. Зелинского о семье Рерихов, по преимуществу о своем научном наставнике Ю.Н. Рерихе: *Зелинский А.Н. Сквозь пространство и время* // Культура и время. 2002. № 3. С. 6–17; *Он же. «Настоящий аристократ духа»* // Восход. 2017. № 8 (280). С. 4–8.

¹⁵ В феврале 1960 г. Н.С. Хрущев посетил Индию и пригласил С.Н. Рериха в СССР для устройства персональной выставки. 11–28 мая 1960 г. в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина открылась первая персональная выставка С.Н. Рериха. Выставка вызвала огромный интерес публики, по воспоминаниям посетителей, народу на ней было как в общественном транспорте в час пик. Экспонировался ряд картин, которые показывали творчество С.Н. Рериха во всем его разнообразии – от портретной живописи до духовно-эзотерического жанра. Выставку открыла министр культуры СССР Е.А. Фурцева. На выставку С.Н. Рерих прибыл с супругой, актрисой Девикой Рани, которая очаровала советскую публику своей утонченной восточной красотой. В июне 1960 г. в Государственном Эрмитаже Ленинграда открылась вторая персональная выставка Святослава Рериха. Выставка работала с 12 июня по 2 июля 1960 г.

¹⁶ В СССР выходил целый ряд словарей подобного рода, напр.: *Рерих Ю.Н. Тибетско-санскритско-русско-английский словарь*. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 377 с. Позже на основе подготовленного Рерихом материала вышел самый известный многотомник: *Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями* / Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дальковой. Вып. 1. М.: Наука, 1983. 173 с. До 1987 г. вышло 10 выпусков серии. Сам А.Н. Зелинский в статьях о Ю.Н. Рерихе ссылаясь на издание «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» (Вып. 1–10. М., 1983–1988):

Опубликованная посмертно книга Ю.Н. Рериха «Тибетский язык» появилась 120 лет спустя после «Грамматики тибетского языка» академика Я. Шмидта и почти полвека спустя после «Пособия по изучению тибетского языка» профессора Г. Цыбикова и стала таким образом третьей работой на русском языке, посвященной языку Тибета

(*Зелинский А.Н. Сквозь пространство и время* // Культура и время. 2002. № 3. С. 16).

дов в одном томе, куда войдут как работы на русском языке, так и его многочисленные исследования, вышедшие за границы.

Из юбилейных дат надо отметить, что осенью этого года будет отмечаться юбилей Минаева¹⁷, а в 1966 г. будет 100-летие со дня рождения Федора Ипполитовича Щербатского¹⁸, которого я даже немного помню. Он умер в эвакуации в 1942 г. Без его исследований я не смог бы разобраться в ряде важнейших вопросов, связанных с историей индийской мысли. Думаю, что его юбилей будет отмечен широко как в Москве, так и в Ленинграде, где протекала его исключительно плодотворная деятельность.

¹⁷ *Минаев Иван Павлович* (1840–1890) – основатель школы отечественной индологии, ученик В.П. Васильева, основоположника российской буддологии. Совершил три научно-практические экспедиции в Индию, привез огромное количество рукописей, предметов искусства, быта, религиозного культа. Коллекция Минаева до настоящего времени остается важнейшим ресурсом для изучения буддистской культуры и индуизма в целом (см.: Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки: Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Пг.: Изд-во Росс. акад. наук, 1918. 288 с.).

¹⁸ *Щербатской Федор Ипполитович* (1866–1942) – востоковед, буддолог, тибетолог, один из основоположников русской школы буддологии. Окончил историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, стажировался в Германии и Австрии. Профессор Петербургского, затем Ленинградского университета (1909–1930). Работал в Индии и в Тибете, после британского вторжения в Тибет в 1904 г. вел переговоры с далай-ламой XIII в 1905 г., который поддерживал Россию в противостоянии с Великобританией в регионе. Речь шла о том, что далай-лама может устроить резиденцию в России. Переговоры Щербатского не завершились успехом, поскольку российское правительство того времени с оглядкой на Запад не предоставило далай-ламе политического убежища. В 1937 г. Щербатской и его ученики подверглись гонениям. С началом войны с группой ученых был эвакуирован в Казахстан, где и скончался. Семья Зелинских также эвакуировались в годы войны в Казахстан (поселок Боровое, Северный Казахстан), где А.Н. Зелинский, будучи мальчиком восьми лет, познакомился с ученым (они были соседями по комнате) и присутствовал на прениях и во время разговоров Щербатского с его отцом и другими эвакуировавшимися членами научного сообщества. См. работы Зелинского о Щербатском: *Семичов Б.В., Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской / Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. С. 15–41; *Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан (К 100-летию со дня рождения Ф.И. Щербатского, 1866–1966) // Страны и народы Востока. Вып. V: Индия – страна и народ. М.: Наука, 1967. С. 236–257).

Чувствую себя несколько смущенным перед Вами, так как очень давно ничего не писал. Это было вызвано очень напряженной зимой, частыми отъездами и, вообще, несколько нарушенным ритмом жизни. Все мы очень ценим Ваши письма и внимание к нам.

Очень интересует и круг проблем, над которыми Вы сейчас работаете. Между прочим, могу сообщить, что Л.Н. Гумилев собирается обобщить свои исследования Хазарии¹⁹, в которых и я принял свое посильное участие. Основной его вывод заключается в том, что хазары не кочевники, а жители дельты Волги (торговцы и земледельцы). Окончательную их судьбу решила трансгрессия Каспия в XI–XII вв.²⁰

Из новых интересных работ надо отметить трехтомную историю Таджикистана (а фактически всей Средней Азии)²¹. Первый том посвящен почти целиком доарабскому периоду²². Кроме того, вышла в свет двухтомная история Афганистана (авторы В.А. Массон и В.А. Ромодин)²³. Что касается истории Руси, то, насколько знаю, пока ничего нового монографического характера не выходило. Во всяком случае, если Вас интересует какая-либо книга, то я с удовольствием пришлю ее Вам.

Посылаю Вам бандеролью две работы Ю.Н. Рериха, которые вышли у нас в Москве уже после его кончины²⁴. Думаю, что они представляют для Вас интерес.

¹⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1966. 192 с.

²⁰ Трансгрессия Каспия в XI–XII вв. – экстремальный подъем воды в Каспийском море. См.: *Гумилев Л.Н., Алексин А.А.* Каспий, климат и кочевники // Тр. о-ва истории и этнографии. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 1963. Т. I (36). С. 41–55. Согласно выводам Гумилева, в IV–II в. до н. э. уровень Каспийского моря был довольно низок (не выше минус 36 м). Хунны пасли огромные стада в низинах, климат был с повышенной влажностью, земли – густонаселенными. После II в. н. э. климат меняется, население сокращается. Народы прикаспийских областей рассеиваются от горного Тянь-Шаня до Тарбагатая. В указанной работе Гумилев применил смешение историко-географического и археологического методов. Междисциплинарный подход был популярен у евразийцев, Савицкий полагал, что он является краеугольным евразийским научным методом (см.: *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931. С. 53–63).

²¹ См. [Гафуров, Литвинский 1963–1965, I–III].

²² См. [Гафуров, Литвинский 1963, I].

²³ См. [Массон, Ромодин 1964–1965].

²⁴ При жизни и сразу после кончины Ю.Н. Рерих не получил в СССР должного признания и понимания масштаба его личности и его работ.

Мама²⁵ и брат²⁶ шлют Вам сердечный привет. Наш общий поклон Нине Владимировне²⁷.

Ваш <нрзб.>

А.Н. Зелинский

После кончины, в 1960–1964 гг., вышли издания: *Рерих Ю.Н.* Тибетский язык. М.: Вост. лит., 1961. 154 с.; Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова; отв. ред. Ю.Н. Рерих. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 160 с.; *Рерих Ю.Н.* Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123; *Он же.* Память о тохахарах в Тибете // Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143 и др. Судя по содержанию письма, А.Н. Зелинский выслал Вернадскому одну из посмертно изданных статей Ю.Н. Рериха. Основные работы Ю.Н. Рериха были изданы намного позже, начиная с конца 1970-х гг.

²⁵ *Зелинская Нина Евгеньевна* (урожд. Жуковская; 1898–1989) – художник, супруга Николая Дмитриевича Зелинского, мать А.Н. Зелинского. Ученица Д.Н. Кардовского и М.В. Нестерова. После заключения брака с Н.Д. Зелинским оставила занятия живописью, посвятив себя семье. Бессменный секретарь-референт своего супруга, сохранила его научное наследие, которое стало ядром коллекции Музея-квартиры им. Н.Д. Зелинского в Москве.

²⁶ *Зелинский Николай Николаевич* (1940–2015) – младший сын академика Н.Д. Зелинского, брат А.Н. Зелинского. Окончил филологический факультет Московского государственного университета, преподавал на кафедре филологии при Президиуме Академии наук СССР английский язык. Имея блестящие дарования, талант художника, тем не менее не реализовал себя в науке, жил скромной жизнью советского, затем российского преподавателя высшего научного заведения. Миссию хранения многочисленных семейных реликвий и сохранения памяти об отце взял на себя его старший (на семь лет) брат – А.Н. Зелинский.

²⁷ *Вернадская Нина Владимировна* (урожд. Ильинская, 1884–1971) – супруга Г.В. Вернадского, приходилась ему троюродной сестрой. В браке детей не было. В 1908 г. окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов. Первый директор Научной библиотеки Таврического университета (1918 г.). Вместе с мужем эвакуировалась в 1920 г. из Крыма. Устроилась в Константинополе кухаркой, пока муж не нашел работу по специальности. С 1927 г. вместе с мужем уезжает в США. Родная сестра Г.В. Вернадского – тоже Нина Владимировна (1898–1986), была замужем за евразийцем, археологом Н.П. Толлем. Вместе с мужем также проживала в США с 1939 г. Очевидно, здесь речь идет именно о супруге Г.В. Вернадского.

Письмо № 2

Г.В. Вернадский – А.Н. Зелинскому

31 октября <19>65

Дорогой Андрей Николаевич,

Спасибо за две интересные посмертные работы Ю.Н. Рериха (получил бандеролью 27 сент<ября>) и за Ваше письмо от 12 августа (простой почтой – не авиа), которое дошло до меня только 29 сентября (хотя штемпель московской почты 14 августа). Проблема: кочевники и буддизм – очень важная. Говоря в общей форме, для изучения культурной истории необходимо вдумываться в историю религий. То, что на первый взгляд может казаться парадоксом – как буддистская доктрина непротивления могла уживаться с идеологией воинственных народов, по крайней мере, некоторых, и в известные периоды могло быть сочетанием различных оттенков и фаз психологии различных этнических и социальных кругов и различных типов религиозности в составе той же самой (догматически) религии. Напр<имер>, в культурной истории Московской Руси XV – нач. XVI в. разница «внутреннего» христианства (Нил Сорский) и, т<ак> ск<азать>, «внешнего» (Иосиф Волоцкий)²⁸.

Но, конечно, как Вы сами пишете, развивать и углублять шкалу можно до бесконечности, и Вам нужно прежде всего закончить диссертацию. Желаю Вам успеха!

Всего хорошего. Сердечный привет Вам, Вашей маме и брату от Нины Владимировны и меня.

Душевно Ваш Г. Вернадский

Большое спасибо за пригласительный билет на открытие памятника Ю.Н. Рериху художественной работы.

²⁸ «*«Внутреннего» христианства (Нил Сорский) и, т<ак> ск<азать>, «внешнего» (Иосиф Волоцкий)*» – речь идет о двух направлениях русской религиозной жизни XV в. Первое, «внутреннее», направление ассоциируют с именем воспитанника Святой Горы Афон, преп. Нила Сорского (1433–1508), ученика преп. Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского. Второе направление связывают с именем преп. Иосифа Волоцкого (1439–1515), ученика преп. Пафнутия Боровского. Преп. Иосиф был настоятелем крепкого хозяйственного Волоцкого монастыря в Волоколамске. Преп. Нил Сорский познакомился с практикой исихастов на Афоне и стремился насадить умное делание в России, говорил о пользе не больших монастырей, а маленьких скитов, удаленных от города (см. [Громов 2001]).

Источники

- Архив Музея-квартиры академика Н.Д. Зелинского, Москва (не описано).
- Архив Музея-квартиры Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург (не описано).
- Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 263 с.
- Вернадский Г.В.* П.Н. Савицкий // Новый журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 273–277.
- Владимир Иванович Вернадский / Под ред. акад. Н.Д. Зелинского. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1948. 103 с.
- Воронович А.В., Козырева М.Г.* Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год / Подгот. писем к публ., вступ. ст. и примеч. А.В. Воронович, М.Г. Козыревой // Геополитика и безопасность. 2008. № 4. С. 88–104.
- Востоков П. (Савицкий П.Н.).* Стихи. Париж, 1960. 294 с.
- Гумилев Л.Н.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31–54.
- Гумилев Л.Н.* Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 103–113.
- Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1966. 192 с.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс, 1993. 575 с.
- Гумилев Л.Н., Алексин А.А.* Каспий, климат и кочевники // Тр. о-ва истории и этнографии. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им В.И. Ульянова-Ленина, 1963. Т. I (36). С. 41–55.
- «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексеева к П.Н. Савицкому (1957–1961) / Предисл. Б.В. Назмутдинова; подгот. текста и коммент. О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 351–445.
- Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова; отв. ред. Ю.Н. Рерих. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 160 с.
- Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан (к 100-летию со дня рождения Ф.И. Щербатского, 1866–1966) Страны и народы Востока. Вып. V: Индия – страна и народ. М.: Наука, 1967. С. 236–257.
- Зелинский А.Н.* Открытие памятника Ю.Н. Рериху в Москве (17 августа 1965 г.) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1967. Вып. V: Индия – страна и народ. С. 258–264.
- Зелинский А.Н.* Древние пути Памира. М., 1969. Местонахождение: Российская государственная библиотека, Москва.
- Зелинский А.Н.* Кушаны и махаяна. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. С. 223–236.

- Зелинский А.Н.* Сквозь пространство и время // Культура и время. 2002. № 3. С. 6–17.
- Зелинский А.Н.* «Настоящий аристократ духа» // Восход. 2017. № 8 (280). С. 4–8.
- Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки: Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Пг.: Изд-во Росс. акад. наук, 1918. 288 с.
- «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими / Публ., подгот. текста К.Б. Ермашиной; Вступ. ст. и коммент. К.Б. Ермашиной и А.Н. Зелинского // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.
- Письма П.Н. Савицкого к Г.П. Струве / Предисл., подгот. текста и коммент. Ю.Б. Мелих // Россия XXI. 2010. № 2. С. 131–159.
- Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 792 с.
- Рерих Ю.Н.* Тибетско-санскритско-русско-английский словарь. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 377 с.
- Рерих Ю.Н.* Тибетский язык. М.: Вост. лит., 1961. 154 с.
- Рерих Ю.Н.* Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123.
- Рерих Ю.Н.* Память о тохарах в Тибете // Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143.
- Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дальковой. Вып. 1. М.: Наука, 1983. 173 с.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: Сб. тр. евразийцев / Под ред. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. 525 с.
- Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 180 с.
- Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931. С. 53–57.
- Савицкий П.Н.* Ритмы монгольского века // Евразийская хроника. [Б. м.,] 1937. Вып. 12. С. 104–155.
- Савицкий П.Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
- Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018.
- Семичов Б.В., Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской / Щербатской Ф.И. Избр. тр. по буддизму. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. С. 15–41.
- Соловьев В.С.* Буддистское настроение в поэзии // Вестн. Европы. 1894. № 5. С. 329–346.
- Трубецкой Н.С.* Религии Индии и Христианство // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 267–294.
- Чхеидзе К.А.* Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой. М.: Рус. путь, 2011. 536 с.

- Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли // Воспоминания. Дневники. Беседы: Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2011. 671 с.
- Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 426 с.

Литература

- Беликов 2004 – Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М.: Междунар. центр Рерихов, 2004. 326 с.
- Гафуров, Литвинский 1963–1965 – Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. История таджикского народа. Т. I–III. М.: Изд-во вост. лит., 1963–1965.
- Громов 2001 – Громов М.Н. Идеиные течения древнерусской мысли. М.: РАН. Ин-т философии, СПб.: РХГИ, 2001. 959 с.
- Ермишина 2018 – Ермишина К.Б. Философия пространства и времени П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева // Экон. стратегии. 2018. № 5. С. 72–77.
- Ермишина 2023 – Ермишина К.Б. «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими. Предисловие // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.
- Массон, Ромодин 1964–1965 – Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. I–II. М.: Наука, 1964–1965.
- Мелих 2010 – Мелих Ю.Б. Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию»: евразийство П.Н. Савицкого // Россия XXI. 2010. № 2. С. 124–159.
- Михайлов 1965 – Михайлов А.И. Павел Корин. М.: Сов. художник, 1965. 231 с.
- Назмутдинов 2017 – Назмутдинов Б.В. «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексеева к П.Н. Савицкому (1957–1961). Предисловие // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 351–358.
- Павел Корин 1961 – Павел Корин. Избранные произведения. М.: Акад. художеств СССР, 1961. 92 с.

References

- Belikov, P. (2004), *Svyatoslav Rerikh. Zhizn' i tvorchestvo* [Svyatoslav Roerich. Life and work], Mezhdunarodnyi tsentr Rerikhov, Moscow, Russia.
- Ermishina, K.B. (2018), "The Philosophy of Space and Time by P.N. Savitsky and L.N. Gumilev", *Economic Strategies*, no. 5, pp. 72–77.
- Ermishina, K.B. (2023), "However, the heart and thought are unceasing". Correspondence of P.N. and I.P. Savitsky with A.N. and N.E. Zelinsky. Foreword.", *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2023* [Yearbook of

- A. Solzhenitsyn House of Russian Expatriates], Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, Moscow, Russia.
- Gafurov, B. and Litvinskii, B. (1963–1965), *Istoriya tadzhikskogo naroda* [The history of the Tajik people], vols. I–III, Moscow, USSR.
- Gromov, M. (2001), *Ideinye techeniya drevnerusskoi mysli* [Ideological currents of Old Russian thought], Institut filosofii, RAN, Moscow, Russia.
- Masson, V. and Romodin, V. (1964–1965), *Istoriya Afganistana* [The history of Afghanistan], vols. I–II, Nauka, Moscow, USSR.
- Melikh, Yu.B. (2010), “Old patriotism, ‘reorientated to a new Russia’. P.N. Savitsky’s Eurasianism”, *Russia XXI*, no. 2, pp. 124–131.
- Mikhailov, A. (1965), Pavel Korin [Pavel Korin], Sovetskii khudozhnik, Moscow, USSR.
- Nazmutdinov, B.V. (2017), “‘My dear friend Pyotr Nikolaevich’: Letters of N.N. Alekseev to P.N. Savitsky (1957–1961)”, *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2023* [Yearbook of A.Solzhenitsyn House of Russian Expatriates], Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, Moscow, Russia.
- Pavel Korin (1961), Selected works, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Ксения Б. Ермишина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2; xenia_ermishina@mail.ru

Information about the author

Kseniya B. Ermishina, Cand. of Sci. (Philosophy), senior researcher, Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates, Moscow, Russia; bld. 2, Nizhnaya Radishchevskaya Street, Moscow, Russia, 109240; xenia_ermishina@mail.ru